А.Н.Ужанков

"ЛЕТОПИСЕЦ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО": К ВОПРОСУ ОБ АВТОРЕ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ

Как уже было мною установлено, работа над продолжением "Летописца" / той частью, которую мы именуем "второй редакцией"/ велась, скорее всего, после 1264 г. - года смерти Даниила Романовича Галицкого, во всяком случае, не ранее 1262 г., поскольку при ее написании автор пользовался Хронографом 1262 года / 8 .272/. О том, что второй автор работал над "Летописцем" спустя время после описываемых им событий, свидетельствует и авторская ремарка под 1260 г. /рассказывается о походе Бурундая в 1256 г./:"И помолився /Даниил - А.У./ Богу, святому Спасу избавнику, яже есть икона, яже есть в городе Мелнице во церкви святое Богородице, и ныне стоить в велице чести..."/ 7 .846-847/.

Конец "Летописца" /то есть, собственно, второй редакции/ за 1261-1264 гг. в своем первоначальном виде не сохранился, был заменен или значительно переделан уже владимирским продолжателем Галицко-Волынской летописи / 8 .276-282/.

Стало быть, вторая редакция "Летописца" представлена в дошедшем до нас тексте Галицко-Волынской летописи 1251-1260 гг., то есть одним десятилетием.

Написана она, судя по всему, так же как и первая редакция, одним автором. Начиная с 1251 г. /по Ипатьевской летописи/, а точнее, с сообщения о смерти польского короля Конрада, умершего 31 августа 1247 г. /1.48; 6.278/ и до 1260 г. мы имеем цельное повествование автора - современника описываемых событий. Об этом свидетельствует обилие приводимых им деталей.

Например, при описании под 1251 г. похода кн. Даниила и поляков на ятвягов автор воссоздает такой эпизод сражения:"Андрееви же дворьскому, сердце крепко имущю, нездравие же тело его обьцерьжаше и руце, потокшу же ему во ротные, копие упусти, и за мало не убьенъ бысть..." / 7 .811./

В сообщении под 1252 г. об осаде Миндовгом города Тверимета заметил:"Гонящимъ же имъ застрели конь Половчинъ Миндогова въ стегно, и возвратися Миндовгъ в землю свою." / 7 .818/.

В другом рассказе под 1254 г. о штурме Даниилом чешского города Опавы приводит следующий эпизод:"...Людем же внезапу пустившимся ко граду. Немце же видевше устремленье Руское крепко, и побегоша, и не-колико ихъ убиша во вратехъ, и вратъ не затвориша бегаще. Данило бо бе очима напрасно боля, и не виде бывшаго во вратех, виде бо люди своя текуща и обнажи мечь свой, возгна е, и темъ не прия град, потом же видевше стужиси о неприятьи града..."/ 7 .824/.

Многие детали описаны под 1255 г.:"Идущу ему /Даниилу - А.У./ на войну со сыномь Львомъ и со Сомовитомъ, княземь Лядьскимъ, братъ бо ему /т.е., Василько Романович - А.У./ воротися, бе бо язва ему на нозе, и посла вое свое со братомъ все."/ 7 .827/.

Немногим далее:"Львови же соседшу с коня одиному, и бьющюся с ними крепко. Видившимъ же имъ, яко Левъ одинъ бьеться с ними, навратишася мални на помощь ему. Львови же убодшему сулицю свою въ щить его / ятвяга Стекинта - А.У./, и не могушу ему тулитися, Левъ Стекинътя мечемъ убил и брата его прободе мечемъ. Они же погибоша. Он же, гоняше я пешъ, и они же на конихъ гоняще, побивахуть я и бодяхуть я."/ 7 .827-828/.

Еще ниже:"Данило... самъ еха проводить вои своих. Едущу же ему до Грубешева, и уби вепревъ шесть, а самъ же уби их рогатиною Г̃ , а три отрочи его." / 7 .830/.

При описании под 1256 г. нового похода Даниила Галицкого с сыновьями на ятвягов, в рассказе о взятии или деревни Привица, приведен такой эпизод с интересными подробностями:"Прибегъшимъ же имъ /ятвягам - А.У./ к воротомъ и смятшимся, и прибегшимъ же у ворота, друзии же навернушася. Многим же летевшимъ другъ на друга, бе бо ледъ ползокъ. Данило же и Левъ вборзе скочиста на не воротъ, они же побегоша." / 7 .833/. Можно и далее продолжить примеры, но их количество ограничивает объем статьи. Думается и приведенных вполне достаточно, дабы убедиться, что автор, при написании продолжения / второй редакции/ "Летописца", до мельчайших подробностей был знаком с описываемым.

Обращает на себя внимание одно обстоятельство: во всех примерах, как приведенных здесь, так и имеющихся еще в "Летописце", подробности присутствуют в тех рассказах, в которых фигурирует Даниил Галицкий. Это дает право заключить, что и второй автор /продолжатель/ "Летописца" - близкий Даниилу Романовичу человек, который либо слышал эти подробности из уст самого князя или его приближенных, либо сам постоянно находился рядом с ним и видел многое из описанного. Это дает возможность автору обильно цитировать галицкого князя на всем протяжении своей работы, причем цитаты не ограничиваются одной-двумя фразами:

"Приехав же Данило и рече имъ:"Почто ужасываетеся? Не весте ли, яко война безъ падшихъ мертвых не бываеть? Не весте ли, яко на мужи на ратние нашли есте, а не на жены? Аще мужь убьенъ есть на рати, то кое чюдо есть? Инии же и дома умирають без славы, си же со славою умроша! Укрепите сердца ваша и подвигнете оружье свое на ратнее!"/ 7 .822/. А в другом месте приводит слова, обращенные уже к самому князю:"И реша мужи бранньнии:"Ты еси король, голова всимъ полкомъ. Аще насъ пошли наперед кого, не послушно есть. Веси бо ты воиничкий чинъ, на ратехъ обычай ти есть, и

всякий ся тебе усрамить и убоиться. Изииде самъ наперед."/ 7.831/

К сожалению, во второй редакции /продолжении/ "Летописца Даниила Галицкого" не содержится материал, который бы позволил установить имя ее создателя. Но поскольку два крупных исследователя Галицко-Волынской летописи - В.Т.Пашуто и А.И.Генсёрский - указывали на причастность в работе над "Летописцем" Холмского епископа Ивана, рассмотрим их предположение.

В.Т.Пашуто считал, правда бездоказательно, что епископ Иван составил в начале 60-х годов холмскую летопись, продолжавшую "княжеский свод 1246 г." / 6.97,101/.

А.И.Генсёрский, отождествив седельничего князя Даниила Ивана Михалковича с епископом Холмским Иваном, приписал авторство Ивану Михалковичу - епископу Ивану, законченной в 1255 г. но отразившей события только до 1234 г., первой, по его классификации, редакции "Летописца"/3.92-95/.

На ошибочность отождествления Ивана Михалковича и епископа Ивана уже указывалось мной /8.258/ при разборе гипотезы А.И.Генсёрского. Там же высказаны и сомнения по поводу авторства Ивана Скулы. И здесь я возвращаюсь к этому вопросу еще раз затем, чтобы подвергнуть анализу предположение А.И.Генсёрского уже об авторе - Холмском епископе Иване, на сей раз безо всякой связи /и зависимости/ с именем Ивана Михалковича /Скулы/.

Одним из ключевых положений гипотезы А.И.Генсёрского является сообщение под 1223 г. о поставлении Холмского епископа Ивана:"Божиею же волею избранъ бысть и поставленъ бысть Иванъ пискупъ княземъ Даниломъ от клироса великое церкви святоі Богородицы Володимирской..."/ 7.740/.

Если внимательно проанализировать этот небольшой отрывок под 1223 г., в котором перед процитированной фразой перечисляются

владимирские епископы и сообщается об открытии епископии в Холме, а затем уже и о назначении Ивана на новую кафедру, то можно обнаружить существенное противоречие в оценке упоминаемого в этом пассаже епископа Иоасафа. В начале пассата сообщается:"... беаху Володимьрьскыи пискупе: бе бо Асафъ блаженый преподобный, святитель Святое Горы ..."/ 7.739-740/, а затем, после процитированного выше сообщения о поставлении в Холм епископа Ивана, говорится:"... бе бо преже того пискупъ Асафъ Вугровьский, иже скочи на столъ митрофоличь, и за то сверженъ бысть стола своего, и переведена бысть пискупья во Холмъ."/ 7 .740/. Трудно допустить, что автор уважительных слов "блаженый преподобный святитель" несколькими строчками ниже мог неуважительно написать "иже скочи ..., и ... сверженъ бысть". Кроме того, в первом случае говорится об Иоасафе как епископе Владимирском, а во втором - Угровском, т.е. явно нарушена, точнее, утрачена связь между фактами. Видимо, вторая запись сделана намного позже первой. Во-первых, после имени первого Владимирского епископа Иоасафа названы еще три его преемника, а он вначале назван святителем, т.е. игуменом монастыря, а уже потом - епископом.

Во-вторых, упоминаемый в заметке город Холм /еще не ставший столицей/ был построен Даниилом Галицким в конце 30-х годов, около 1237 г. / 4.418/ до монголо-татарского нашествия /см. рассказ о его основании и строительстве под 1259 г./.

В-третьих, епископ Иоасаф был переведен из Владимира в Угровск самим кн.Даниилом, то есть, согласно воле последнего, и чтобы он без ведома и воли князя занял митрополичий престол, тому должны были бы способствовать особые обстоятельства. По крайней мере, два: митрополичья вакансия в Киеве и отсутствие на Руси кн. Даниила Романовича, державшего Киев в тот момент, когда там и была эта вакансия.

5-112

Именно такое стечение обстоятельств сложилось в начале 40-х годов, когда Даниил Романович владел Киевом через своего тысяцкого Деньяна.

Последним из домонгольских митрополитов в Киеве был грек Иосиф, прибывший в столицу Древней Руси в 1237 г. /2.I/. О дальнейшей его судьбе ничего не известно. Видимо, в период монголо-татарского нашествия 1237-1240 гг. он покинул Русь, во всяком случае, после разрушения монголо-татарами Киева в 1240 г. о нем ничего не говорится, т.е. митрополичья кафедра после 1240 г. была свободна /2.I/.

В том же 1240 г., но еще до захвата и разрушения татарами Киева, кн.Даниил уходит из Галицких земель в Венгрию а затем в Польшу. Именно это время и было наиболее вероятным, когда епископ Иоасаф занял митрополичий престол без ведома кн.Даниила. И здесь следует сделать одно небольшое объяснение этого поступка епископа.

Я уже говорил выше, что сам кн.Даниил поставил Иоасафа епископом в Угровск, когда открыл там новую епископскую кафедру. Хотя официально столицей Галицкого княжества был Галич, кн. Даниил управлял княжеством из Угровска, пока не был построен Холм и официально не перенесена в него столица Галицкого княжества. Тогда получается, что епископ Угровский Иоасаф, после исчезновения митрополита-грека Иосифа, становится главным иерархом не только в Галицком княжестве, но и, коль под владения Даниила Романовича подпадал в то время и Киев, в Киевской митрополии в целом /2.3-4/. Видимо, на этом основании и решился епископ Угровский Иоасаф, "как епископ фактической столицы великого князя... присвоить себе права митрополичьи."/2.4/. Но это никак не согласовывалось с планами кн.Даниила Галицкого.

После возвращения в апреле 1241 г. из поездки в Венгрию и По

льшу Даниил Романович принимается за наведение порядков в своих землях. Помимо прочего, он переносит епископскую кафедру из Угровска в новую столицу княжества - город Холм, лишив за с а м о в о л ь н ы й захват митрополичьей кафедры, всех полномочий Угровского епископа Иоасафа:"И поставленъ бысть Иванъ пискупъ княземъ Даниломъ от клироса великое церкви святой Богородици Володимерьской, бе бо преже того пискупъ Асафъ Вугровьский, иже скочи на столъ митрофоличь и за то сверженъ бысть стола своего, и переведена бысть пискупья во Холмъ"/ 7 .740/.

Стало быть, назначение Ивана епископом в Холм могло произойти только во второй половине 1241 г., а не в 1223 г., как сообщает "Летописец", и не в 1260 г., как указано О.П.Лихачевой в комментариях к "Галицко-Волынской летописи"/ 5 .3.579/.

Епископ Иоасаф, видимо, попал после этого в опалу. Во всяком случае "Летописец", повествуя под 1259 г. о создании Холма, вспомнил еще и о княжении кн.Даниила во Владимире и основании им города Угровска, и открытии в нем епископии, однако не назвал по имени первого его епископа Иоасафа, хотя и был он, как уже сообщалось, поставлен кн.Даниилом:"Данилови бо княжащу во Володимере, созда градъ Угорескъ и постави во немъ пискупа. Ездящу же ему..." и т.д. / 7 .842/. Это как раз то сообщение о переводе епископа Иоасафа из Владимира в Угровск, которого не достает в разобранной нами выше статье "Летописца" под 1223 г. / 7 .740/.

Совершенно очевидно, что сообщения "Летописца" во вставке под 1223 г. и статье под 1259 г. связаны между собой. Во-первых, только они из всего текста "Летописца" касались судьбы епископа Иоасафа. Во-вторых, в статье под 1223 г., после перечисления Владимирских епископов, имеется обещание:"Богу же изволившю, Данилъ созда градъ именемъ Холмъ. Создание же его иногда скажемъ." А выполняется оно, то есть рассказывается о создании Холма, только

под 1259 г.

В этой же статье под 1259 г. впервые /если не считать вставки о нем под 1223 г./ в поле зрения автора второй редакции "Летописца" попадает Холмский епископ Иван, освятивший в 1259 г. восстановленную после пожара церковь святого Иоанна Богослова:"Увидивъ же сицю пагубу граду, вшедъ во церковь и виде пагубу, и скалиси велми. Помолився Богу, паки обнови и церковь освяти пискупомъ Иваномъ."/ 7 .845/. И если история строительства города Холма в рассказе под 1259 г. поведана очень обстоятельно, с великолепным, единственным вообще в древнерусской литературе XI-XIII вв. столь подробным описанием церквей, то о самой Холмской епископии не сказано ни слова, как и о поставлении на епископскую кафедру Ивана, но зато автор вспомнил об Угровске и о поставлении туда епископа. Совершенно очевидно, что вставка под 1223 г., помещенная после перечня Владимирских епископов и обещания рассказать об основании Холма,сообщавшая о переводе в Холм епископа Ивана, была призвана компенсировать этот пробел. Говорить о поставлении Ивана в самом рассказе под 1259 г. о пожаре Холма и его восстановлении - было не кстати /прошло, ведь, уже 18 лет !/. Поэтому автор второй редакции "Летописца" и поместил это сообщение под 1223 г. после перечня Владимирских епископов и рассказа о самовольном захвате Иоасафом митрополичьего престола. Оно показалось ему здесь вполне уместным, к тому же и Иван, до поставления в епископы, был Владимирским священником.

Получился, если можно так выразиться, кратний очерк истории Галицко-Волынской епархии.

Появление вставки под 1223 г. о поставлении епископа Ивана может в какой-то степени свидетельствовать именно о его заинтересованности в ней. Во всяком случае, восстановление спустя значи-

тельное время подробностей о его предыдущей службе /"от клироса великое церкви святой Богородици Володимерьской"/, были, видимо, занесены в "Летописец" со слов самого епископа Ивана. А.И.Генсёрский считал, что эти подробности записаны самим Иваном, поскольку он и был автором этой редакции "Летописца" /См. разбор его гипотезы в предыдущей статье: 8 .255-260/.Однако, полагаю, что только одной этой записи не достаточно, чтобы считать автором второй редакции "Летописца" епископа Ивана.

В пределах "Летописца", составленного сторонниками кн.Даниила Галицкого, то есть, до 1261 г., епископ Иван упоминается всего дважды: во вставке 1223 г. и под 1259 г. в рассказе о восстановлении после пожара Холма, когда он заново освятил церковь Св.Иоанна Златоуста. Кроме указанных выше сведений о его предыдущем месте службы во Владимире нет никаких данных, которые хотя бы косвенно могли бы свидетельствовать, что автором второй редакции "Летописца" является епископ Иван.

Не может служить аргументом в пользу этой гипотезы А.И.Генсёрского и место написания второй редакции "Летописца". Как и первая редакция, она была написана в Холме. Все повествование за 1251-1260 гг. ведется из Холма: отсюда кн.Даниил выступает в походы, сюда после них возвращается. Очевиден и интерес второго автора "Летописца" к Холму: он дважды обещал написать историю создания новой столицы - в своей вставке под 1223 г. и 1259 г., и поведал ее под тем же 1259 г.

Однако, хотя вторая редакция и была составлена в Холме, этот факт еще не значит, что она создавалась в Холмской епископии епископом Иваном. Достаточно вспомнить, что первая редакция "Летописца" была написана тоже в Холме печатником, позднее - названным митрополитом Кириллом, возглавлявшим до своего поставления княжескую канцелярию. Нужны дополнительные доказательства того, что

5*- 112

вторая редакция "Летописца" была написана именно в Холмской епископии и, если не самим епископом Иваном, то под его непосредственным руководством. Такие доказательства в "Летописце" имеются.

Говоря об авторе второй редакции "Летописца" важно отметить его устойчивый интерес к церкви Св. Иоанна Златоуста в г.Холме. Впервые о ней говорится под 1254 г. после рассказа об удачном походе кн.Даниила на Польшу. По возвращении из похода кн.Даниил "видевся со братомъ своимъ /Васильком - А.У./, и бысть в радости велице, и прибываше в дому святого Ивана во городе Холме, с веселиемь славя Бога и Пречистую его матерь и святаго Ивана Златауста /7.826/.

Под 1259 г. рассказана предыстория создания церкви:"И возлюбивъ место то, и помысли /Даниил - А.У./, да сожижеть на немь градець малъ. Обещася Богу и святому Ивану Златоусту, да створит во имя его церковь. И створи градець малъ. И видевъ же, яко Богъ помощникъ ему, и Иоанъ спешникъ ему есть, и созда град иный..." /7.842-843/.

Немногим ниже под тем же годом сообщается:"Созда же церковь святаго Ивана красну и лепу."/7.843-846/. А далее следует одно из замечательнейших описаний древнерусской архитектуры, которое, несомненно, принадлежит человеку не стороннему, а хорошо знавшему не только сам собор, но и в деталях историю многих его украшений. Замечу, для сравнения, что в рассказе о другой холмской церкви - Пресвятой Богородицы, описана только одна чаша /правда, надо полагать, удивительная по красоте/. Важно также отметить, что автором описана и находившаяся в церкви Св.Иоанна Златоуста святого деревянная скульптура. Ее описание помещено уже под 1260 г., но оно тесно премыкает к предыдущей статье и продолжает рассказ об истории Холма.

Но вернемся к рассказу о церкви Иоанна Златоуста. После ее восстановления в 1256 г. /по "Летописцу" - 1259 г./, ее освящает епископ Иван:"...паки обнови и церковь освяти пискупомъ Иваномъ." /7.845/. Важно отметить, что об освящении епископом Иваном других сгоревших и восстановленных в Холме церквей автор второй редакции "Летописца" не говорит. То есть, ему было важно сообщить

об освящении епископом Иваном именно церкви Св.Иоанна Златоуста. Чем это можно объяснить? На мой взгляд, двумя причинами.

Во-первых, кн.Даниил Романович во крещении имел имя Иоанна (этим именем называл Галицкого князя в обращении к нему Римский папа Иннокентий IУ/I.59, прим.2 к 1259 г./), и естественно, что в новой столице своего княжества - Холме, он строит, прежде всего, церковь во имя своего небесного покровителя и помощника Иоанна Златоуста.

Конечно же, по роду своих обязанностей, епископ Иван должен был освящать все церкви своей епископии. Но автор выделил одну - Иоанна Златоуста в Холме. Видимо - и это, на мой взгляд, вторая причина интереса автора - церковь Иоанна Златоуста в Холме была кафедральным собором и, соответственно, приходом самого епископа. Этим объясняется устойчивое к ней внимание со стороны второго автора "Летописца". Подробности, приведенные им в описании церкви, позволяют предположить, что автор имел самое непосредственное отношение к этой церкви, то есть, к епископии, руководимой Иваном. Если так, то продолжение "Летописца" действительно велось в Холме на сей раз не в княжеской канцелярии, а на епископской кафедре и под руководством епископа Ивана. Тогда становится понятной и объяснимой сделанная его сторонником /подчиненным/ вставка в труд своего предшественника под 1223 г. о поставлении епископа Ивана на Холмскую епископию в 1241 г.

Необходимо отметить, что это не единственная вставка второго автора в первую редакцию "Летописца". Уже начало "Летописца" после фразы:"По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси..."/ 7.715-717/ разорвано рассказом о Романе Мстиславиче Галицком и поэтической легендой о половецкой траве евшан, и продолжается ниже:"... велику мятежю воставшю в земле Руской, оставившима же ся двеима сынома его: единъ 4 летъ, а другии дву летъ."/ 7 .715-717/.

Понять, кому принадлежит эта вставка помагает параллель, отмеченная еще И.Ждановым /4.433-434/, из нее к тексту под 1251 г.. Этот текст, без сомнения, принадлежит уже автору продолжения /второй редакции/ "Летописца". В нем говорится об удачном походе Даниила и Василька на ятвягов, и, сравнивая их с отцом, Романом Мстиславичем, автор припоминает доблесть кн.Романа:"...И придоста со славою /Даниил и Василько - А.У./ на землю свою, наследивши путь отца своего великаго Романа, иже бе изоострился на погания, яко левъ, имже половци дети страшаху"./ 7 .813/

Сравним эту фразу с близкой ей из вставки в начале "Летописца характеризующей того же кн.Романа:"...устремил бо ся бяше на погания, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ"/ 7 .716/. Далее в этом пассаже заходит речь о половцах и половецких ханах Отроке и Сырчане, а в тексте под 1251 г. те же половцы пугают кн.Романом своих детей. То есть, связь обоих текстов очевидна: оба они принадлежат перу одного автора - продолжателю "Летописца" после 1[illegible] /по "Летописцу"/.

Об этом, кажется, свидетельствует и сам автор под 1257 г., рассказывая об очередном походе кн.Даниила на ятвягов, в результате которого князь Даниил обложил ятвягов данью, и галицкому княз

было очень важно, чтобы и "ляшская земля" узнала об этой дани. Автору же "Летописца" было важно подчеркнуть, что Даниил повторил достижения своего отца - великого князя Романа Галицкого, покорив ятвягов:"И вдасть /Даниил- А.У./ ему из дани Ятвяжьской даръ Сигневу воеводе послушьства ради, да увесть вся земля Лядьская, яко дань платили суть Ятвязи же королеви Данилу, сынови великого князя Романа. По великомъ бо князе Романе никто же нь бе воевалъ на не в Рускихъ князих, развее сына его Данила. Богомъ же дана ему дань... Якоже сказахомъ о ратехъ многихъ си же написахомъ о Романе, древле бо писати си, ныне же зде вписано бысть в последняя..." /7.835-836/. Собственно, сам автор напомнил, что ранее писал о князе Романе Галицком, и "ныне", в продолжении текста под 1257 г. написал о нем в последний раз. Далее во второй редакции "Летописца", в сохранившемся ее тексте до 1260 г. включительно, имя Романа Мстиславича действительно больше не упоминается. Что же касается предыдущего упоминания кн.Романа Галицкого под 1251 г., то и там он вспоминался в связи с походом кн.Даниила на ятьягов. То есть, автор проявил одну и ту же тенденцию в резюмировании итогов походов Даниила Романовича, сравнивая его с отцом.

Таким образом, как свидетельствует замечание самого автора под 1257 г. и анализ трех случаев упоминания Романа Галицкого, текст 1257 г. связан с аналогичным текстом 1251 г., а тот, в свою очередь, со вставкой в начале "Летописца". Это говорит о том, что их автором является продолжатель "Летописца" за 1251-60 гг. Нет, однако, однозначного ответа, почему именно автор второй редакции "Летописца" проводил параллель между князем Романом и его сыном Даниилом, а автор первой редакции не вспоминал отца кн.Даниила. Можно дать только предположительный ответ, исходя из положения, что вторая редакция "Летописца" создавалась на епископской кафед-

ре в Холме под руководством епископа Ивана.

Как свидетельствует о нем вставка под 1223 г., епископ Иван был из Владимира, "от клироса" церкви Пресвятой Богородицы. То есть из столицы отчины Романа Мстиславича - Владимира Волынского. /Только в 1199 г. Роман Мстиславич, после 26-летнего княжения во Владимире, вокняжился в Галиче, объединив два княжества в одно./ Именно от епископа Ивана - владимирца - автор /если Иван не был им самим/ мог перенять уважительное отношение к Роману Мстиславичу, отразившееся в его труде. Если бы влияние исходило непосредственно от самого Даниила Романовича, который только смутно мог помнить отца, то оно проявилось бы и в первой редакции "Летописца".

Если предположить, что вторая редакция "Летописца" писалась при Холмской епископии лицом духовным, то тогда понятной становится его оценка - с христианских позиций - походов кн. Даниила /и его отца Романа заодно/ на ятвягов: православный князь покорил "поганых язычников". И в этой связи любопытна деталь из описания столкновения кн.Даниила и его сына Льва с ятвягами на окраине деревни Привища:"Один же воинъ управи десьницю свою, иземь рогтичю ис пояса своего, далече верг, срази князя Ятвяжьского с коня своего. И летящу ему до земле, изииде душа его со кровью во адъ." /7.833-834/.

Такое замечание о нисходящей душе язычника в ад вполне уместно в устах православного автора, будь он церковным иерархом, священником или простым христианином. Важно, однако, что эта оценка греховности язычников у второго автора "Летописца" не единственная. Немногим ранее, под 1252 г., он поведал о крещении литовского князя Миндовга, и заметил, что этот акт был вызван политическими мотивами, а Миндовг остался, по-прежнему, язычником:"Миндовгъ же посла к папе и прия крещение, крещение же его льстиво бысть, жряше богом

своимъ в тайне: первом Нынадееви, и Телявели, и Диверикъзу заецчему богу, и Меидеину..."/7.817/. Этот пассаж, кстати сказать, заканчивается вполне толерантным замечанием автора о возможном крещении Литвы Ливонским орденом крестоносцев. И в нем автор "Летописца" дает оценку причин, почему Литва затянула со своим крещением. Виновным в этом оказался рижский магистр Ливонского ордена Андрей, за что и был отлучен от своего сана орденом. Знает автор и рижского епископа и пробста Виржала, поддерживавшего Тевтивила - пленянника и антогониста Миндовга. Знает он и о готовности ливонских рыцарей помочь Тевтивилу, крестившемуся ранее Миндовга. Да и вообще, автор второй редакции "Летописца" очень хорошо знаком с положением дел в Литве, Венгрии, Ляшской, Чешской и даже Немецкой землях.

Это свидетельствует о его прекрасной осведомленности. Несомненно, его источник информации очень близок к князю Даниилу Романовичу. Им может быть и княжеская канцелярия. Но, скорее всего, все же Холмская епископия. Только церковное руководство, думаю, могло столь обстоятельно знать историю крещения Литвы и имена высших священнослужителей. К тому же, холмский епископ Иван был ближайшим помощником кн.Даниила во всех его делах, т.е. обладал необходимой информацией, использованной "Летописцем".

О близости епископа Ивана кн. Даниилу сообщает уже владимирский писатель, составитель Волынской летописи и весьма субьективный редактор "Летописца", не проявивший особой симпатии ни к самому Даниилу Романовичу, ни к его ближайшему окружению. Тем интереснее его сообщения о совместной деятельности кн.Даниила и епископа Ивана.

В 1261 г. /по Ипат. лет./ Даниил Романович вместе с епископом Иваном находились во Владимире-Волынском на свадьбе дочери Василь-

ка Романовича, отдававшего свою дочь Ольгу замуж за Черниговского князя Андрея Всеволодовича. Туда и пришла весть о приближении монголо-татарского воеводы Бурундая, который потребовал от князей-братьев, союзников монголов де-юре, его встретить. Навстречу Бурундаю выехали Василько Романович с племянником Львом Даниловичем, а вместо себя кн.Даниил отправил епископа Ивана:"... а Данило князь не еха с братомъ, посла̀лъ бо бяше себе место владыку своего Холмовьского Ивана."/7.849/ Немногим нигке уже Василько Романович пользуется услугой епископа Ивана, отправившегося послом от Василька к Даниилу:"Василко же князь ишь Шюмьска посла владыку Ивана напередь ко брату своему Даниловы. Владычи же приехавшю к Данилови /князю/, и нача ему поведати о бывшем, и опалу Бурандаеву сказа ему."/7.849 850/. Далее владимирский автор та́к сказал о реакции кн.Даниила на услышанное, как не поспел бы написать ни один из авторов "Летописца":"Данилови же убоявшуся, побеже в Ляхы, а из Ляховъ побеже во Угры."/7.850/. Получается, что от страха, кн.Даниил не знал, где ему спрятаться.[x] Но далее из слов того же автора выясняется, что "король /Даниил - А.У./ же бяшеть поехалъ в Угры"/7.857/, а не побежал, не только с ведома брата Василька Романовича, но, видимо, согласно обоюдной договоренности о плане действий. Кн.Даниил, например, сразу же догадался, что приехавшие вооруженные люди - воины брата Василька, привезли ему весть о победе брата над Литвой, хотя сам поход Василька Романовича на Литву состоялся уже после то-

[x] Сравните с замечанием предыдущего, т.е. холмского автора:"Данило же держаще рать с Куремьсою и николи же не боя̀ся Куремьсе, не бе бо моглъ зла ему створити никогда же Куремьса."/7.846/.

го, как кн.Даниил из Польши поехал в Венгрию, т.е. по "Летописцу" о походе брата кн.Даниил знать не мог.

Не стремился сохранить владимирский автор реноме и епископа Ивана. Когда Бурундай разгневался на кн.Василька и Льва Даниловича, "владыка стояше в ужасти величе"/7.849/, - отмечает он, хотя корректнее по отношению к лицу духовному было бы вовсе об этом не говорить. Тем не менее, этот страх владыки еще раз передан в его собственном уже рассказе Даниилу, к которому он прибыл по поручению кн.Василька Романовича. Совершенно очевидно, что в концовке "Летописца" за I26I-64 гг. выражено совсем иное отношение как к князю Даниилу Романовичу, так и Холмскому епископу Ивану, чем во второй редакции "Летописца". Нас же в данном случае интересовали дружеские отношения князя и епископа, ибо автор второй редакции отразил интересы их обоих.

Если, подводя итоги, суммировать все имеющиеся у нас факты, то можно следующим образом охарактеризовать автора второй редакции /продолжения/ "Летописца".

Совершенно очевидно, что он работал после I262 г., поскольку пользовался Хронографом I262 г., скорее же всего, после смерти кн. Даниила Романовича Галицкого, т.е. после I264 г. Этому автору принадлежат вставки в текст предшественника об отце князя Даниила - Романе Мстиславиче, и вставка под I223 г. о поставлении в I24I г. на епископскую кафедру в Холм Ивана, священника из Владимира. Несомненно, в этой вставке был заинтересован только один человек - тот, о котором она и говорит - епископ холмский Иван.

Дважды выраженное автором-христианином негативное отношение к язычеству, хорошая осведомленность о церковных кругах Риги, устойчивый интерес к истории создания Холма и построения в нем церкви

Св.Иоанна Златоуста, подробное описание церковных ценностей в ней, с указанием адресов их поступления, воссоздание только истории Холмской епископии, - все это позволяет видеть в авторе второй редакции "Летописца" человека близкого именно к Холмской епископии, кафедральным собором которой, видимо, была церковь Св.Иоанна Златоуста. Вероятнее всего, что именно при епископской кафедре, используя ее библиотеку и архив, и велась работа над продолжением "Летописца" после отъезда из Галицко-Волынской Руси митрополита Кирилла. Руководить этой работой, мог, в таком случае, епископ Холмский Иван - высшее, после отъезда митрополита Кирилла, духовное лицо в Галицко-Волынском княжестве. Близость автора к нему очевидна. Можно ли его самого считать автором второй редакции /продолжения/"Летописца"? Некоторые данные позволяют сделать такое предположение, но для бесспорного утверждения их явно маловато.

1. Галицько-Волинський літопис // Жовтень. 1982. № 7.

2. Голубинский Е. Митрополит всея России Кирилл Ш /первый после нашествия монголов/.-Сергиев Посад, 1894.

3. Генсьорський О.І. Галицько-Волинський літопис /процес складання, редакції і редактори/.-Київ, 1958.

4. Літопис Руський.-К.,1989.

5. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. Вып.3.- М.,1981

6. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. - М., 1950.

7. Ипатьевская летопись // ПСРЛ,Т.2.-СПб.,1908. Указываются столбцы.

8. Ужанков А.Н. "Летописец Даниила Галицкого": редакции, время создания//Герменевтика древнерусской литературы. Сб.1.XI-XУI века. - М., 1989.

9. Ужанков А.Н. "Летописец Даниила Галицкого": проблема авторства.//Герменевтика древнерусской литературы.X-XУI вв.Сб.3.-М.,1992.